

№ 148 (102) КАК ПОП В РАБОТНИКИ НАНЯЛСЯ

Как поп в работники наняётся. Вот как-то у одной деревне жила сямья: два сына и старик со старухой. Один был сын нямножко свихнувши, а друуёй нормальный.

Вот этого нормального сына наняли кумом* перекрестить рябёнка. Поехал к попу, перекрестили, а попу не заплатили ничаю. Поп-то любил вырвать что-нибудь. Ёзял этот поп, нямноуо думая, да этоуо крёстноуо батьку ды в анбар: дело к сенокосу: «Выкупять, нёуде денутся*!»

Сидить няделю. Мать этого парня пошла, ды холстинки продала, да чеуо-то попу купила, да снясла – выпустили яуо.

Ну, иди, иди дело дальше и дальше. Этот [нормальный] уже жанивсь. Старикоу уже нет, а тот брат, улупый который, живёт тут с йим.

Поехал этот мужик на базар: ходить поп по базару! Прислушавсь мужик: уоворить там какому-то знакомому, что де-нибудь, уоворить, наймусь к какому-нибудь мужику-лохмаку на уодик, уоворить, поваляю, уоворить, дурака! (А с прихода яуо проунали, не разряшили ё церкви служить: провиниуь за что-то). На это думаеть парень, который в анбаре сидел: «Наймёшься ты, – уоворить, – к дураку-лохмаку!»

Подходить к яму да уоворить:

– Батюшка, ты что, работу ишшэшь?

Он уоворить:

– Да, – уоворить, – к кому-нибудь бы нанявсь поработать – уоворить, – сямью кормить надо.

– Поехали, – уоворить, – ко мне!

Привёз яуо к сябе домой, покормили ужином, спать уложили. Ёсё честь по чести.

А тот брат, который у яуо был глупый, сильно был здоровый! (А дураки-то вечно здоровые.) Вот. Значить что?

– Ну, – уоворить, – батюшка, приступай к работе, я, – уоворить, – пойду ё поле, а ты дома, – уоворить. – Пошли! – уоворить.

А дураку этому, брату своему и сказал:

– Смотри! – говорит, – раз, – говорит, – позволь, чтоб он тебя завалил, а больше не позволяй, – говорит, – за это платить надо!

Вывел попа, этот брат дожидаеть глупой:

– Вот, – говорит, – тебе, батюшка, работа: валяй, – говорит, – дурака! Что вот завалишь раз, то пятак.

Вот он яю цап, этого дурака! Дурак этот кувырк, завалиуьсь! Мужик достаёт из кармана пятак, отдаёт яму, и уходит с двора. А батюшка и говорит:

– А если я, – говорит, – яю буду весь день валять?

– Да, – говорит, – хоть и ночь валяй, – говорит, – какое мое, – говорит, – дело, у меня, – говорит, – денех хватит!

Упирауьсь-упирауьсь поп, упирауьсь-упирауьсь – больше ни разу не завалил! Не удалось. Замориуьсь!

Там обед яму давали, не давали – ня знаю.

На ужин хозяйка несёт свинням йисть, говорит:

– Пошли, – говорит, – батюшка, тут, – говорит, – у мяня две девицы-свинницы, Дуняшка, – говорит, – и Аксюшка, они, – говорит, – неперяборливые*, – говорит, – потарапливайся!

Ўлила в корыто свинням – и попу йисть с тоуо корыта с свинням. Няделю поп просидел там, у хлявэ, с тым свинням. Ел он там с им или ня ел – ня знаю.

До попадьи уже дошло, что живёт с двум девицам. Винница где-то город есть. Значит, считает попадьа, что с Винницы две девицы у яю, работницы, у тоуо мужика, и поп с ним живёт. За няделю поп там выцвел* да и говорит:

– Слушай, – говорит, – мне тут сильно, – говорит, – вонишша, – говорит, – үрязишша, ня моуу!

– А, – говорит, – а кто тебе запряшшаает? Убирай, чтоб було чисто!

И уод яю там у хлявэ! Попадьа яю ня выкупаает, (потому что он сказал, что – вькупать – вьпушшу), попадьа ня выкупаает: за девок сердится, ня знает, что у яю свинки.

А попу уже невтярпёж! Дак, ён еле-еле уод отвисел*, мужик яю выпустил с пятаком у кармане. Пришёл [поп] и больше закаялся и на работу наниматься, и в анбар сажать, кто платы не принесёт за хрестьбины*.

Вот такая штука.